

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Г.В. Клочков
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: этнополитические конфликты, Кавказ, Каспийский регион, политические элиты, коррупция, национальная безопасность.

Key words: ethno political conflicts, Caucasus, Caspian region, political elite, corruption, national safety.

По этническому своему составу Южный Федеральный Округ – это самый сложный и самый пестрый регион в Российской Федерации. Поэтому ЮФО всегда был, есть и будет местом постоянного столкновения и диалога этносов, культур и даже цивилизаций. Причем конфликт и диалог здесь будут проходить одновременно, вбирая в себя различные аспекты общественной и духовной жизни личности, общества и государства.

Кавказ является составной частью Каспийского региона. Наряду со Средней Азией он представляет собой «западное» и «восточное» его крыло. Но в отличие от Средней Азии Кавказ в своей северной части является составной частью России и поэтому наш интерес к каспийско-кавказскому направлению совершенно очевиден. «На Кавказе очень высокая плотность населения и сильнейшая клановость. Без стабилизирующего «русского» участия там не обойтись. Люди, которые приезжают на Кавказ работать, должны связать с этим регионом и свое будущее, и будущее своих детей и внуков. Потому что... Россия будет развиваться, расти на Юг, на Кавказе. Прирастать, как принято говорить Сибирью, а расти все-таки на Юге» [20, с. 20].

Выше мы уже говорили, что как и все другие политические конфликты, региональные политические конфликты связаны с достижением власти или ее перераспределением в пользу определенного региона [10, с. 188; 18, с. 19] или же с изменением политического статуса региона. В указанном регионе они отягощены еще и мощным напором этноконфликтов, которые не всегда совпадают территориально с региональными локальными конфликтами, что делает их развитие малопредсказуемыми с научной точки зрения. В этноконflikтах на первом месте стоят не столько политические, сколько этнические традиции. Именно они зачастую первыми определяют политическую культуру региона и динамику происходящих в нем конфликтов. Идея сепаратизма является уже политическим оформлением этнокультурных традиций того или иного региона. Именно сепаратизм обостряет отношения, выводя их на уровень политических процессов. Сама по себе идея сепаратизма уже является конфликтной, а силовой вариант ее решения может расцениваться как деструктивное начало региональной политики [4, с. 196–197].

В республиках Северного Кавказа все еще сильны «традиции гор», – большое значение по-прежнему имеет традиция кровной мести и клановых связей. Поэтому вооруженные внутриклановые разборки здесь происходят постоянно и официальные власти оказываются не в состоянии расследовать совершаемые на их основе преступления (в том числе и против федеральных сил) [7, с. 2]. «Объяснение причин сепаратизма в современный период, к которому мы пришли, на первый взгляд может показаться парадоксальным: национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы. Однако, как мы уже указывали, парадоксальности здесь нет, особенно с учетом того, что безопасность большинства государств обеспечивает факти-

чески мировой сообщество в лице наиболее сильных государств» [6, с. 95]. Россия столкнулась с этой проблемой именно в 1990-е гг., когда государство как институт власти действительно ослабло до такой степени, что «национальные окраины» заговорили даже о трансформации федерализма в конфедерализм.

Традиционное в общественном укладе здесь явно преобладает над инновационным (модернизацией), поэтому классические принципы демократии и либерализма здесь подчас приобретают «экзотические» оттенки. «В отсутствие внешнего врага – реального или виртуального – традиционное общество уничтожает само себя, т.е. находит крайнего среди своих, распадается на враждующие округа, тейпы, семьи, наконец единицы, – всегда найдется кто-то не столь правоверный или православный, как я сам. Уклад обеспечивает, т.е. вручает разрешение на зверство по отношению к живущим иной жизнью, поощряет и оправдывает – снабжает уважением со стороны менее отчаянных или более вменяемых членов сообщества и позволяет релаксировать в насилии. Убийство населения, а не конкретных должностных лиц, которым перепоручена честь и ответственность принимать и проводить решения, прямо обнаруживает цель – уничтожение не похожих на тебя (по вере, образу мыслей, манере поведения – критерии произвольны), остальное – предлоги» [5, с. 6].

Северный Кавказ это зона постоянно тлеющего (вялотекущего) конфликта, чаще всего происходящего на уровне кланов (тейпов) даже внутри одно этноса. Классическим примером здесь может служить Чечня 2000-х гг., когда у власти в этой республике оказался клан Кадыровых. Их конфликт с кланом «ямадаевых» получил широкое освещение в прессе. Как отмечают российские СМИ, «стороны конфликта не вызывают никакого сочувствия», а саму войну окрестили как «битву Героев России за Москву» [9, с. 5]. Обе стороны обвиняют друг друга в «махновщине» и апеллируют к Москве, ища защиту не столько у закона РФ, сколько у первых лиц государства. Обе стороны до последнего времени имели подконтрольные им воинские подразделения – у Кадырова батальоны МВД «Север» и «Юг», у Ямадаева батальон «Восток» ГРУ Минобороны РФ. Каждый из лидеров занят переманиванием на свою сторону сторонников противной стороны, прибегая к различным средствам и мерам воздействия. Каждый пренебрежительно и высокопарно отзываясь о своем противнике и считает себя выше и лучше него [9].

Президент России Д.А. Медведев, находясь в Дагестане в июне 2009 г., заявил, что: «Проблемы на Северном Кавказе носят системный характер. Это и сохраняющаяся относительная бедность населения, очень высокий уровень безработицы, просто чудовищные масштабы коррупции. И, к сожалению, зачастую это сопровождается утратой доверия к власти» [11, с. 2]. Последнее обстоятельство является самым опасным, поскольку открывает дорогу к сепаратизму и силовым решениям спорных вопросов. Мир в регионе во многом основывается на авторитете федеральной и местной власти. Коррупция же – самый опасный враг авторитета любой политико-административной элиты. Враг, который сидит внутри страны, развращая и ослабляя всю систему социально-политических отношений.

Коррупция является одним из самых негативных факторов в развитии этнополитических конфликтов современности. По серьезности проблема коррупции в этом регионе стоит на первом плане и объединяется с темой террористической угрозы. О продажности чиновников и политиков много говорят и пишут, как сами политики, так и политические ориентированные СМИ. Общественность постоянно информируется о результатах борьбы с коррупцией, но прекрасно понимает, что эта борьба является частью борьбы политических элит за власть. В таких условиях говорить об искренности и эффективности борьбы с этим социальным злом весьма трудно. Борьбу с коррупцией должны вести государственные органы, но контролировать ее должны общественные организации. Какие именно? Это уже другой вопрос. Но то, что именно институту гражданского общества могут и должны это делать в демократических странах не вызывает никакого сомнения. Если Россия является такой демократической страной, то и здесь должно быть развиты эти сегменты гражданской общественной жизни.

Высказанное нами пожелание пока остается на уровне теоретических умозаключений и несколько расходится с практикой. Причин такого расхождения несколько. Но самое главное, на наш взгляд, это крайне низкий уровень политической культуры, как самого населения страны, так и правящих государством элит. Это не только культура отношения власти и населения, но это также и проблема правовой культуры, юридической грамотности населения и государственного чиновничьего аппарата. Как показывает практика, Россия в целом и на отдельных региональных местах в частности, остается страной весьма высокого правового нигилизма, о чем неоднократно заявляли оба российских президента, и В.В. Путин [16, с. 4–5], и Д.А. Медведев [12, с. 2; 19, с. 4].

Этнополитические конфликты на Северном Кавказе в большинстве своем имеют как раз социально-политические корни. Поскольку это системный кризис, то и бороться с ним следует тоже системно, а не отдельными акциями или временными кампаниями. Принятый в 2009 г. антикоррупционный федеральный пакет документов как раз один из тех способов, которые в перспективе должны содействовать снижению социально-политической напряженности и в ЮФО. Признается, что России необходим реальный выход из коррупционного кризиса, а не политизированная истерия. С целью борьбы с коррупцией, специалистами предлагается минимизировать контакты чиновника с заказчиком государственной услуги [8, с. 4].

Помимо указанных социально-политических проблем на нарастание напряженности в межэтнических отношениях играют и социокультурные проблемы. Одна из них – это крайне низкий культурно-образовательный уровень населения. Даже В.В. Путин был вынужден признать, что: «массовая неграмотность – это питательная среда для идеологов межцивилизационного раскола, пропаганды ксенофобии, национального и религиозного экстремизма. В конечном счете – для международной террористической деятельности» [15, с. 6]. Повышение культурного уровня населения – залог создания нормальных устоев регионального гражданского общества, которое само будет выстраивать барьеры на пути экстремизму.

Министр культуры РФ Александр Авдеев отмечал, что: «Есть сегодня экономически процветающие страны, но не развитые в культурном отношении. И их нельзя назвать великими. Сегодня иные критерии великости. Это не только количество оружия, но и уровень научно-технического прогресса, и уровень освоения новых технологий. И прежде всего степень культуры всего общества. Человек создан миром культуры, который чеканит нас. Говоря о любом времени, мы судим о нем по именам великих деятелей культуры этого периода, будь то русский писатели XIX в., итальянские живописцы XIV–XV вв. или голландские и фламандские художники эпохи буржуазных революций и великих географических открытий» [1, с. 9]. С мнением министра мы можем согласиться, и попутно отметить, что российский Юг только в XX в. дал России немало талантливых, выдающихся имен деятелей науки, культуры и политики. Только в XX в. практически во всех регионах будущего ЮФО появились свои национальные театры, музеи, университеты и отделения Академии наук.

Мы должны особо подчеркнуть, что огромную роль в развитии национального самосознания играет система образования. От ее ориентации на духовные ценности зависят и культурно-политические ориентации самого этноса и его правящей политической элиты. Малые этносы интегрированные в большие государственные образования (как, например, Россия), помимо своей этнической культуры, оказываются подключенными к культуре национального большинства и часто являются носителями культурного пространства как «малого», так и «большого» языка.

Так, после провозглашения своей независимости, Абхазия в качестве духовного ориентира выбрала Россию. Все это время система образования Абхазии входила в образовательное пространство России. Только так, по мнению самих руководителей Абхазии, ее жители могли иметь доступ к мировому образовательному пространству. Многие выпускники местных школ ориентированы на получение высшего образования в вузах России [3, с. 3].

Склонность к конфликту или к компромиссу у национальных элит во многом зависит от качества их политической культуры и в первую очередь от качества воспитания и образования.

Как указывают специалисты, сущность этнократизации региональной власти в национальных республиках РФ проявляется в абсолютизации этнического начала, когда преувеличивается в значительной степени роль национального в жизни общества и государства, когда решаются основные вопросы жизни одного народа в ущерб интересам и устремлениям других наций и народностей. Речь идет об осуществлении такой политики, которая ущемляет, унижает достоинство и образ жизни других народов. Этнократизация власти проявляется в создании привилегированного положения автохтонных наций.

В чем мы видим слабость и порочность такой практики? При проведении политики этнократизма приоритет отдается не личности, а нации, в результате чего через призму интересов своей нации проходят все без исключения экономические, социальные и духовные процессы. Особенно это проявляется тогда, когда это касается политической сферы, где интересы этнократии соблюдаются достаточно строго. Приоритет интересов нации над интересами личности касается создания ряда привилегий только для той части населения, которая принадлежит к господствующей нации.

Этнократия деформирует этнический интерес и ставит на первое место среди других возможных ценностей, полностью игнорируя приоритет интересов личности, которые в подобных условиях полностью отрицаются и оскорбляются. Этнократией поддерживается противостояние интересов нации и интересов личности сознательно, со стремлением к усилению существующих противоречий и их возвышению.

Своей активной идеологической деятельностью, этнократия пытается преодолеть такую родовую черту своей политической неполноценности, как отсутствие традиции суверенной власти. Конфликт этот носит идейно-политический характер и затрагивает не только интересы конкретных политических этноэлит, но и честь и достоинства конкретного этноса. Причем речь идет о возможности и способности самостоятельно решать свои социально-экономические, политические и социокультурные проблемы. В общественном сознании утвердилась мысль о том, что самостоятельность этноса, должна проявляться не только в его политическом праве на самоопределение, но и в способности самостоятельно содержать себя в социально-экономических отношениях. «Если народ не может сам решать свои проблемы, то невозможно говорить о его самоопределении» [17, с. 7].

В политике этнократизма наблюдаются попытки убедить большинство своего народа в обоснованности притязаний на более широкие полномочия среди окружающих народов, что достигается различными средствами пропаганды и психологического воздействия. Этнократизация власти также проявляется в закреплении привилегированного положения представителей «своего народа», что выражается в «коренизации управления», в заполнении благоприятных «социальных ниш» именно «своим» народом.

Современные угрозы возникновения политических конфликтов на базе этнических разногласий в настоящее время исходят не столько от боевиков, а в значительной степени вызваны отсутствием на Северном Кавказе демократических институтов и процедур управления. Именно в национальных республиках процветает коррупция (так, например, по данным проверки Ингушетии, выяснилось что в республике только за 2008 г. на стройках «исчезла» сумма в объеме 1,7 млрд руб). Тем не менее, федеральный центр обещал в 2009–2011 гг. выделить республике еще 29 млрд руб. При этом центральные СМИ отмечают, гарантий, что не пропадут и эти деньги у власти нет [13, с. 2].

Давно уже сидят на весьма солидной федеральной «пайке» и другие республики Северного Кавказа, но особых экономических сдвигов в регионе не наблюдается. При этом они весьма умело играют на теме террористической угрозе, списывая многие свои ошибки на это кровавое явление современности. Причем порой именно сами власти выступают в роли провокаторов внутриэтнических социально-экономических конфликтов. «И если в Чечне хотя бы удалось несколько снизить уровень террори-

стической опасности, то, к примеру, в той же Ингушетии или в Дагестане теракты происходят чуть ли не ежедневно» [13]. Отдельной темой для рассмотрения должна стать тема коррупции власти и влияния коррупции на динамику конфликтных отношений.

Широкомасштабная коррупция среди государственных чиновников разных уровней, в том числе в правоохранительных органах, несет в себе серьезную проблему в деле урегулирования этноконфликтов. «Коррупция позволяет террористам и их пособникам получать необходимые документы, просачиваться в государственную власть, милицию и т.д., скупать оружие, преодолевать заслоны на маршрутах своего следования, вести контрразведку и получать информацию о планах и замыслах власти» [14, с. 36].

Так, российские СМИ давно уже открыто признают, что «коррупция в Дагестане носит этнически-клановый характер. Клан «скидывается», покупает для своего выдвиженца хлебное место. Что должен делать выдвиженец? Пристроить вокруг себя, в пределах своей компетенции сородичей. Насколько хороши их профессиональные качества и навыки, никого не волнует» [2, с. 12]. Эта «странная» социально-экономическая и коррупционно-криминальная атмосфера, которая царит в республике Дагестан, не способствует межэтническому миру и согласию и отталкивает привлечение легальных капиталов и реальных инвестиционных проектов.

СМИ отмечают, что «режим взаимодействия Центра с республиками Северного Кавказа остается неизменным все последние годы: делайте все, что хотите, лишь бы не было войны, т.е. проявлений сепаратизма. Элиты в южных республиках эту тенденцию хорошо улавливают. И происходящее в регионе давно уже не окрашено в черный цвет сепаратизма, скорее есть лишь оттенок этого явления. Сепаратизм – это только для шума. Другое дело – борьба местных кланов за освоение бюджетных средств. Здесь все гораздо серьезнее... Выстроить такую систему власти в национальных республиках, чтобы ситуация не зависела от качества лидера, а базировалась на институциональных схемах, Центру пока не удалось. И не похоже, что кто-то особенно озабочен этой проблемой... Дошло до того, что в экспертном сообществе уже спорят – стоит ли разворачивать в северокавказских республиках широкомасштабную борьбу с коррупцией или же это только дестабилизирует обстановку?» [13, с. 2]. Ответы на эти вопросы являются на сегодняшний день наиболее желанными для федеральной элиты, ибо от их положительного решения во многом зависит целостность и перспектива дальнейшего конструктивного развития нашей страны.

Библиографический список

1. *Авдеев, А.* Культ личностей / А. Авдеев // Российская газета. – 2008. – № 158 (4715). – С. 9.
2. *Афанасьев, О.* Дагестан «в стреляющей тени» / О. Афанасьев // Аргументы недели. – 2008. – № 37 (123). – С. 12.
3. *Ахмедханов, Б.* В Абхазии учат по-русски / Б. Ахмедханов // Общая газета. – 2001. – № 41 (427). – С. 3.
4. *Бусыгина, И. М.* Политическая регионалистика / И. М. Бусыгина. – М., 2006. – 250 с.
5. *Гончаров, Ю.* США – как «лаборатория» европейской цивилизации / Ю. Гончаров // Новая газета. – 2001. – № 77 (720). – С. 6.
6. *Гринин, Л. Е.* Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета / Л. Е. Гринин // Век глобалистики. – 2008. – № 1. – С. 95.
7. *Демченко, В.* Ингушетия без ру? / В. Демченко // Известия. – 2008. – № 188 (27713). – С. 1.
8. *Коновалов, А.* «У государства наконец-то дошли руки до борьбы с коррупцией» / А. Коновалов // Известия. – 2009. – № 15 (27786). – С. 4.
9. *Кригер, И.* Конфликт родов и войск / И. Кригер // Новая газета. – 2008. – № 28 (1346). – С. 5.
10. *Макарычев, А. С.* Регион в составе федерации: ранний американский опыт в сравнительной перспективе / А. С. Макарычев // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. – Н. Новгород, 1997. – С. 186–202.
11. *Марков, И.* Геополитическая резиденция / И. Марков // Российская газета. – 2009. – № 106 (4930). – С. 2.

12. *Медведев, Д. А.* Элита на то и элита, чтобы быстро обучаться / Д. А. Медведев // Коммерсант. – 2009. – № 100 (4155). – С. 2.
13. *От редакции:* О реальных угрозах сепаратизма // Независимая газета. – 2009. – № 79–80 (4711–4712). – С. 2.
14. *Природа* этнорелигиозного терроризма / сост. Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др. – М., 2008. – С. 36.
15. *Путин, В. В.* Как «восьмерке» сработать на «пятерку»? / В. Путин // Аргументы и факты. – 2006. – № 9 (1322). – Март. – С. 3.
16. *Путин, В. В.* Россия на рубеже тысячелетий / В. В. Путин // Российская газета. – 1999. – 31.12. – С. 4–5.
17. *Садыки, Мухаммед-Ариф.* Как нам реформировать Дагестан / Садыки Мухаммед-Ариф // Независимая газета. – 2009. – № 015 (4647). – 28.01. – С. 7.
18. *Смирнягин, Л. В.* Типология региональных конфликтов в современной России / Л. В. Смирнягин // Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия. – М., 1997. – С. 19.
19. *Утро Медведева* // Российская газета. – 2008. – № 66 (4623). – С. 4.
20. *Чугунова, В.* Путь России: прирастать Сибирью, а расти Югом / В. Чугунова // Аргументы недели. – 2008. – № 45 (131). – С. 20.

В ПОИСКАХ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» КАВКАЗСКОЙ СТРАТЕГИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

К.А. Кочарян
(Россия, г. Пятигорск)

Ключевые слова: «кавказская стратегия» внутренней политики России, терроризм, региональная политика, Северный Кавказ.

Key words: “caucasian strategy”? Russian’s home policy, terrorism, regional policy, North Caucasus.

Трагические события лета 2009 г. на российском Кавказе (убийство министра внутренних дел Дагестана А. Магомедтагирова, покушение на президента Ингушетии Ю-Б. Евкурова, террористический акт в РОВД Назрани и многие другие) актуализируют вопрос о наличии у России некоей «кавказской стратегии» и ее конкретных параметрах. Вопросы стратегического развития региона, разумеется, не сводятся к контртеррористической проблематике, однако, как представляется, успешность или неуспешность решения задач в сфере безопасности может служить своего рода маркером, определяющим адекватность как ставящихся целей государственной политики на Северном Кавказе, так и избираемых механизмов их достижения.

Сомнения в эффективности стратегии или, точнее, подозрения в ее отсутствии усиливаются в связи с тем, что резкое обострение обстановки на российском Кавказе происходит на фоне регулярных и достаточно оптимистичных заявлений представителей органов власти и управления о «почти полной победе» над боевиками. При этом на разных уровнях власти до недавнего времени настойчиво проводилась мысль о том, что ситуация в сфере безопасности неуклонно улучшается.

Так, В. Путин, обсуждая Стратегию развития РФ до 2020 г., утверждает: «Ценой немалых усилий нам удалось предотвратить распад страны и остановить войну на Северном Кавказе. Сепаратизм отступил, а терроризму – при всей сохраняющейся остроте этой угрозы – нанесены решающие, сокрушительные удары» [12]. Директор ФСБ А. Бортников характеризует обстановку как «сложную, но управляемую»: «...она нами контролируется; за последние полтора-два месяца несколько увеличилось количество проявлений террористической направленности в Дагестане, ... но... проводятся необходимые мероприятия по локализации этой деятельности» [6].